

и виртуальных границ между объектами коммуникации, отменой барьеров, препятствующих внешней миграции. В результате чего получила развитие особая форма миграции *инновационный человеческий капитал* – «циркуляция умов», позволяющая создавать, распространять, коллективно использовать знания, методы и технологии и стимулировать, таким образом, развитие национальных экономик.

3. Становление трансграничной карьеры. Занятость в трансграничных компаниях способствует формированию инновационного человеческого капитала благодаря приобретению новых знаний. Рост карьеры осуществляется за счет перемещения из одной страны в другую в рамках подразделений транснациональных компаний.

Принимая во внимание углубления глобальных процессов и наличие неравномерного развития национальных экономик, следует отметить, что миграция инновационного человеческого капитала будет возрастать, причем очень высокими темпами.

УДК 94(420+47+57)

СОГЛАСОВАНИЕ СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ПО ИРАНУ: ПЕРВЫЕ ШАГИ, ИЮЛЬ 1941 ГОД

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье рассматриваются первые шаги СССР и Великобритании, предпринятые в июле 1941 г. по выработке их дипломатическими службами согласованной позиции в отношении Тегерана. Показано, что в связи с неприемлемым для них немецким влиянием в Иране Москва и Лондон предприняли несколько политических демаршей и, в конечном счете, были вынуждены начать проработку вопроса о вводе своих войск в эту страну.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Иран, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

Reconciliation of the Soviet-Britain Policy Towards Iran: First Steps, July of 1941

Yu. G. Golub

The first steps made by USSR' and Great Britain' diplomatic services in July, 1941, to conciliate the two countries policy towards Tehran are examined in the article. It is shown that because of unacceptable German influence on Iran, Moscow and London had made several political demarches and finally were compelled to start elaborating the issue on their troops deployment in this country.

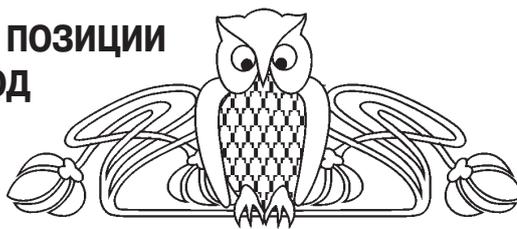
Key words: USSR, Great Britain, Iran, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-83-89

12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-британское Соглашение о совместных

Примечания

- 1 См.: *Чередников О.* Высокотехнологичные стартапы в мире и в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 10. С. 68.
- 2 См.: *Моусова Г.* Формирование профессиональных навыков : межстрановой анализ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 6. С. 97, 98.
- 3 См.: *Мосолова Е.* Ключевые компетенции специалиста: взгляд работодателя // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2012. № 1(5). С. 24.
- 4 См.: *Олевский Г.* Знаниеемкое предпринимательство в экономике Европейского Союза // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 6. С. 45.
- 5 Там же. С. 47.
- 6 См.: *Черевичко Т. В.* Миграционная динамика эпохи глобализации. Саратов, 2002.
- 7 *Глуценко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 12. С. 50–57.
- 8 См.: *Чередников О.* Указ. соч. С. 75.

действиях в войне против Германии¹, ставшее политико-правовым основанием формирования союзнических отношений двух стран. В процессе его подготовки И. В. Сталин на встречах с британским послом С. Криппсом инициировал обмен мнениями о ситуации в Иране. В итоге стороны практически сразу сошлись во мнении о необходимости совместных дипломатических шагов для пресечения немецкой активности в этой стране, подкрепленных при необходимости и военными мерами². Достигнутое взаимопонимание позволило в относительно короткие сроки выйти на согласованную советско-британскую позицию по вопросу воздействия на Тегеран. Придерживаясь общей линии в отношении неприемлемого для них немецкого влияния в Иране, Москва и Лондон предприняли несколько политических демаршей и, в конечном счете, были вынуждены начать проработку вопроса о вводе своих войск в эту страну³. Выход на такой уровень союзничества, конечно, произошел не сразу и отнюдь не просто так. Пришлось преодолевать копившееся годами взаимное недоверие и шаг за шагом формировать механизмы выстраивания новых отношений. Вот почему этот эпизод дипломатической истории Второй мировой войны, безусловно, заслуживает детального рассмотрения.

Ситуация с Ираном сразу стала одной из постоянных тем советско-британских переговоров летом 1941 года. Уже через день после подписания Соглашения о совместных действиях британский посол в Москве С. Криппс, фактически выступивший инициатором силовой акции против этой страны, в своем донесении в Форин офис отметил, что не видит причин для того, чтобы одновременно не подкреплять любые союзные требования к Тегерану «военными демонстрациями»⁴. В тот момент, однако, министр иностранных дел Великобритании А. Иден полагал иначе. Он считал, что предложения Криппса выходят за рамки британской политики по отношению к нейтралитету Ирана и, возможно, не учитывают реального положения вещей. Министру явно в большей степени импонировала сдержанность советского посла И. М. Майского. 14 июля, когда Иден встретился с Майским, оба собеседника были согласны в том, что для СССР и Великобритании предпочтительнее в полной мере использовать возможности дипломатии и экономического давления на Иран⁵. В связи с этим стороны решили ускорить подготовку дипломатических нот от имени своих стран иранскому правительству⁶.

В Тегеран советскому и британскому послам были направлены, как позднее их оценил Молотов, «приблизительно одинаковые инструкции»⁷. Правда, инструкции оказались не совсем одинаковыми. Это стало понятно, когда 18 июля, накануне визита к иранским властям, посол Р. Буллард лично передал послу А. Смирнову текст британской инструкции⁸. В документе содержалась рекомендация послу донести до иранского руководства «обеспокоенность британского правительства все возрастающим количеством немцев, проживающих в Иране» и указать правительству Ирана «на жизненную необходимость принятия самых серьезных мер... в отношении численности немцев. Отдельным пунктом давалось поручение послу подготовить и вручить премьер-министру и министру иностранных дел Ирана секретные письма об антишахской направленности германской пропаганды. При передаче данных писем адресатам, как указывалось в инструкции, необходимо было информировать их, что британское правительство не сможет оказать содействие Ирану в экономической сфере «в случае, если иранское правительство откажется действовать» в отношении немцев. Отдельно Булларду рекомендовалось обсудить меры экономического давления на Иран с советским посольством⁹.

Директива советского НКВД посольству в Тегеране ориентировала Смирнова при соблюдении всех необходимых дипломатических «реверансов» жестко поставить перед иранскими властями вопрос о сокращении немецкого присутствия в стране с указанием конкретного количества и сроков выполнения. Советский посол должен был потребовать удаления 80% проживавших в Иране немцев в месячный срок¹⁰. В британской

инструкции такая ключевая конкретика отсутствовала. Впоследствии это вызовет недовольство советской стороны и, как представляется, некоторым образом скажется в дальнейшем на темпах согласования советско-британской позиции относительно действий в Иране. Но не будем опережать ход событий, поскольку все это выяснится чуть позже.

18 июля 1941 г. Криппс по его просьбе был принят Молотовым. Обсудив вопросы, связанные с деятельностью английской военной миссии, находившейся в Москве, посол перешел к немецкому присутствию в Иране, упомянув о достигнутом в Лондоне «решении сделать совместный демарш». В связи с этим нарком подтвердил, что как советскому, так и английскому посланнику в Тегеране даны соответствующие инструкции. Криппс не удержался и рассказал Молотову о своей телеграмме Идену¹¹, в которой рекомендовал последнему не колеблясь предпринимать меры, как военного, так и политического, и экономического характера, если просьба не будет выполнена¹².

В тот же день настойчивость Криппса получила поддержку в Лондоне. Спустя неделю после получения соответствующего задания правительства¹³, свои предложения подготовили британские военные. Начальники штабов полагали, что операция следует ограничить югом и что для захвата нефтепромыслов понадобится, по меньшей мере, одна дивизия, поддержанная небольшой авиационной частью. В целом они рекомендовали правительству занять твердую позицию¹⁴. Такая рекомендация, даже обставленная рядом оговорок, безусловно, способствовала расширению у политиков арсенала мер воздействия на Тегеран и ужесточению переговорной позиции Лондона. Что Иден отчетливо и продемонстрировал уже утром 19 июля, встретившись с Майским.

Еще до их встречи стало известно, что в Тегеране послы двух держав вручили исполняющему обязанности министра иностранных дел Ирана Д. Амери согласованные ноты. В них содержалось требование выслать из страны немецких граждан¹⁵. Иранский министр, сославшись на нейтральный статус своей страны, фактически, сразу отклонил демарш союзников. Неудовлетворенный таким ответом Буллард незамедлительно проинформировал Лондон о необходимости усиления экономического давления на Иран. В свою очередь, советский посол Смирнов порекомендовал своему правительству отказаться от отправки в Иран немецких товаров, находившихся транзитом в Баку¹⁶.

Вот на таком фоне Иден встретился с Майским. Он поделился с послом мнением, что уже практически не надеется на депортацию немцев из Ирана и что придется уповать на военные меры. Министр конфиденциально сообщил собеседнику, что британские военачальники уже занимаются соответствующим планированием. И добавил,

что если Москва даст согласие, то правительства обеих стран смогут объединиться для рассмотрения вопроса о возможных совместных военных действиях. Полагая, что вопрос в принципе будет согласован, британский министр поинтересовался у Майского, что может быть сделано Лондоном для того, чтобы снять обеспокоенность Турции возможным появлением русских в Иране¹⁷. Иными словами, теперь и ранее колебавшийся Иден заговорил об использовании военной силы как средстве воздействия на Иран. Все это свидетельствовало о том, что Лондон свой выбор сделал. Военное планирование, продумывание мер по предупреждению реакции Анкары не оставляли никаких сомнений на этот счет.

Утренняя субботняя встреча дипломатов завершилась просьбой Майского устроить ему аудиенцию с Черчиллем для вручения личного послания Сталина. Днем Иден перезвонил послу и сообщил, что Черчилль примет его в 5 часов в своей загородной резиденции Чекерс¹⁸.

Закончив перевод сталинского послания, Майский отправился на встречу с Черчиллем. После того как премьер ознакомился с письмом, дипломат поинтересовался впечатлением от прочитанного. Черчилль ответил, что пока он может сделать лишь некоторые предварительные замечания. Концепция северного фронта в Норвегии ему понравилась. А вот по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию. И затем внезапно перешел к Ирану, повторив гостю все то, что утром того же дня говорил Иден, но только в еще более заостренной и решительной форме: «Нельзя позволить шаху устраивать фокусы, – с горячностью заявил премьер. – Персия должна быть с нами! Шах должен выбирать: или – или».

Продемонстрированная горячность вряд ли была спонтанным выражением эмоций искреннего политика. Скорее это был явно не раз применявшийся им прием для смещения акцентов в беседе. Последующая фраза Черчилля свидетельствовала именно об этом: в случае упорства шаха он считает, заявил премьер, необходимой военную оккупацию Персии англо-советскими силами. При этом он намекнул, что персидская операция наряду с Норвегией тоже может явиться своего рода «вторым фронтом»¹⁹. Это, конечно, было очевидным преувеличением. В этом-то и была, судя по всему, причина горячности премьера. Артикулируя проблему Ирана, глава кабинета старался риторикой поднять значимость этой проблемы на фоне его отказа открыть второй фронт в Европе. К тому же он по-прежнему искренне полагал, что усилия Британской империи должны быть сконцентрированы, прежде всего, на укреплении ее позиций на Среднем Востоке²⁰. Вот почему к Ирану, занимавшему важное стратегическое положение и разделявшему британские силы в Индии и на Ближнем Востоке, британцы стали присматриваться особенно пристально уже

после событий в Ираке весной 1941 г. Но с ходу разобраться с Ираном было не просто так. С одной стороны, нужны были некие правовые основания для нарушения его нейтрального статуса, с другой – требовалось наращивание собственной военной группировки за счет переброски войск с других фронтов или привлечение сил других стран. Тут СССР, имевший договор с Ираном, позволявшим ему при определенных обстоятельствах ввести войска в эту страну, подходил как никто другой. Неслучайно еще 6 июля Черчилль написал генералу Окиленку, командующему британскими войсками на Ближнем Востоке: «Усилиями англичан и русских Персия вскоре должна была быть привлечена на сторону союзников»²¹.

Так что еще раз повторим, эмоции премьера имели вполне прагматичную основу. Собеседникам, конечно, было понятно, что военная акция в Иране при всей ее военно-политической значимости никак не могла повлиять на ситуацию на советско-германском фронте. Но в случае успеха она существенно усиливала позиции союзников на Среднем Востоке и гарантировала еще один коридор для поставок в СССР.

Таким образом, советский посол, встретившись в течение одного дня сначала с британским министром иностранных дел, а затем и с самим премьер-министром, смог получить четкое представление о формировавшейся позиции Великобритании по Ирану. Лондон недвусмысленно высказался за военную оккупацию этой страны англо-советскими силами. Уже после войны Черчилль в своих воспоминаниях так обосновал стремительный британский дрейф в сторону военной акции в Иране: «Необходимость доставлять Советскому правительству вооружение и различного рода материалы, исключительные трудности арктического пути наряду с будущими стратегическими возможностями сделали весьма желательным открытие широчайших коммуникаций с Россией через Персию. Персидские нефтепромыслы являлись важнейшим военным фактором. В Тегеране обосновалась активная и многочисленная германская миссия, и престиж Германии был высок». При этом, как признается Черчилль, он «не без некоторой тревоги решался на персидскую войну»²². Вот почему заключил британский премьер: «Мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию в Персии»²³.

И. М. Майский сразу же сообщил в Наркомат иностранных дел о своей беседе с У. Черчиллем, в том числе о том, что британский премьер подчеркнул необходимость применения к Ирану всех мер вплоть до совместной военной оккупации страны²⁴.

На следующий день иранская проблематика стала предметом обсуждения уже в Москве. 20 июля в полдень С. Криппс встретился с наркомом иностранных дел Молотовым, уже знавшим из депеши Майского о британской по-

зиции относительно этой страны. Посол сразу же вручил наркому памятную записку посольства Великобритании²⁵. Документ представлял собой официальный ответ британской стороны на высказанную ранее в беседах Сталина с Криппсом озабоченность советского правительства «обилием немецких агентов в Афганистане и Иране» и на предложение советского руководителя предпринять совместные шаги для противодействия этой опасности их общим интересам.

В записке посольства от имени британского правительства приветствовалось «предложение, сделанное г-ном Сталиным относительно совместных действий по оказанию нажима на оба правительства». В связи с этим следует отметить, что записка в значительной степени была посвящена Афганистану и содержала широкий перечень мер экономического воздействия на эту страну, что, фактически, означало введение экономической блокады. «В отношении Ирана, – говорилось в документе, – правительство Его Величества намерено применять несколько *менее строгие методы давления* (курсив наш. – Ю. Г.); как советскому правительству уже известно, этот вопрос был подробно обсужден с советским послом в Лондоне, который сообщил общее согласие советского правительства относительно предложенных действий, а также его готовности предпринять подобные меры»²⁶.

В контексте прозвучавших накануне в Лондоне заявлений Черчилля о применении силовых мер воздействия на Иран, это пункт записки производил странное впечатление. Советскому руководству предстояло понять, что за этим стоит: либо неспешность британской бюрократической машины, не успевавшей за переменами в позиции Даунинг-стрит, либо стремление британцев при всей их резкой риторике выдвинуть на первый план Москву в давлении на Иран. Последнее было отнюдь не исключено, поскольку записка заканчивалась фразой о том, что «в этом особо важном деле было бы предпочтительнее для советского посла взять на себя инициативу, так как любая угроза, возникающая в связи с концентрацией немцев в Тавризе, может быть направлена только против Советского Союза»²⁷.

Ознакомившись с содержанием записки, Молотов заявил послу, что доведет ее до сведения правительства²⁸. Продолжив беседу, нарком отметил, что демарши, предпринятые советским и британским представителями в Иране, не дали положительных результатов, выяснилось, что иранцы не склонны пойти навстречу в вопросе о пребывании немцев в их стране. Молотов в этом контексте коснулся позиции Турции, считая ее «весьма важной».

В свою очередь, Криппс попросил Молотова сообщить послу Майскому те формы действия, которые советское правительство со своей стороны предполагает принять в отношении Ирана. Молотов пообещал сделать это, не став пока прямо

обозначать позицию советского правительства. Это побудило Криппса, уже проявившего себя как наиболее активного приверженца силовых действий, «поддержать» тему. Он подчеркнул, что было бы весьма важно, если бы Москва приняла предложение английского правительства относительно военного или экономического давления на Иран. Конкретизируя свою мысль, посол коснулся советско-иранского договора 1921 года, создававшего правовую основу для ввода советских войск в Иран в случае появления в этой стране немецких войск. Ответ наркома на эту ремарку, хотя и был весьма дипломатичен («советское правительство считает советско-иранский договор весьма важным фактором в современной обстановке»), не оставлял сомнений в позиции Кремля. А уж когда Молотов поинтересовался, имеются ли у английского правительства военные силы на юге Ирана, которые могли бы оказать давление на Иран в случае возникновения серьезной опасности военного характера, все стало окончательно понятно. Поэтому Криппс поспешил ответить, что «ему лично кажется возможным использовать некоторое количество английских сил для военного давления и на юге Ирана»²⁹.

Завершая иранскую тему, Криппс также добавил, что, по его мнению, будет очень удобным вести переговоры об Иране в Лондоне. Для этого советское правительство должно уполномочить своего посла принимать необходимые решения. Молотов согласился и заявил, что он поставит об этом в известность посла Майского³⁰.

На этом общении дипломатов прервалось, но не завершилось. Спустя три часа они снова встретились. Молотов пригласил Криппса для того, чтобы ознакомить с посланием главы советского правительства своему британскому коллеге, накануне врученным премьеру советским послом. Выполнив протокольные формальности, собеседники сочли возможным вновь коснуться Ирана. К этому моменту, как сообщил гость, он уже получил из Форин офиса телеграмму о последнем разговоре Идена с Майским об Иране. Со слов Криппса следовало, что министр сообщил ему о необходимости предпринять энергичные действия в отношении этой страны. Иден, продолжил посол, считал «весьма полезным совместное рассмотрение вопроса о подобных действиях», сомневаясь в эффективности экономического давления на Иран. И добавил от себя, что после дела с Абиссинией «никто в Англии не согласен придерживаться экономических санкций»³¹. На сей раз Уайт-холл сработал оперативно и фактически дезавуировал свои утренние предложения о неких только экономических методах воздействия на Иран.

Тем временем позиции сторон, вовлеченных в дипломатическое выяснение отношений с Тегераном, продолжали выкристаллизовываться. 21 июля советский и британский послы в Иране детально обменялись мнениями по итогам своего

общения с иранскими официальными лицами. Их оценки полностью совпали. И Булларду, и Смирнову было очевидно стремление как премьер-министра А. Мансура, так и исполнявшего обязанности министра иностранных дел Д. Амери выиграть время. И премьер, и министр исключили возможность уменьшения численности немцев в большом объеме и короткие сроки. Послам было сказано, что они «не находят законных предлогов для всеобщего изгнания». Поэтому дипломаты пришли к выводу, что нужно было сохранять давление на иранские власти, и если они будут явно медлить с выдворением немцев, «можно было бы применить самую строгую политику»³².

В тот же день в Форин офис поступила депеша от посла Булларда. В ней он выразил согласованное с советским послом Смирновым мнение о том, что иранские власти не пойдут на большое сокращение немецкого присутствия «ни в настоящий момент, ни в ближайшее время»³³. Такая позиция иранских лидеров, в тот момент еще надеявшихся избежать вхождения советских и британских войск, давала руководителям союзных держав необходимый повод ориентироваться на применение силы для решения всего комплекса вопросов по Ирану: не только устранение немецкого присутствия, но и обеспечение безопасности нефтепромыслов и транзита по трансиранскому коридору.

21 июля премьер-министр Черчилль известил генерала А. Уэйвелла, главнокомандующего британскими силами в соседней с Ираном Индии, о том, что он собирается выдвинуть иранцам ультиматум от Великобритании и России с требованием немедленного выдворения немцев и неизбежности последствий в случае отказа сделать это. В связи с подобными намерениями Черчилля интересовал вопрос, какими силами можно располагать в случае иранского отказа³⁴. На следующий день британский военный кабинет официально одобрил подготовку англо-советской военной акции в Иране, и в этот же день британские силы в Ираке получили приказ быть готовыми к занятию Абаданского нефтеочистительного завода и нефтепромыслов в Иране³⁵.

Все это свидетельствовало, что Лондон окончательно определился с мерами силового давления на Тегеран, но официального подтверждения намерений Москвы все еще не было. 25 июля на встрече с Молотовым посол Криппс поинтересовался у наркома, как обстоит дело с врученной им памятной запиской о немцах в Иране и Афганистане. Молотов ответил, что записка изучается. И из последовавшей потом фразы можно было понять, почему по прошествии пяти дней Москва не считала возможным официально декларировать позицию по Ирану. Молотов заявил, что «в Тегеране возникло большое недоразумение». Советский посол сделал представление иранскому правительству с требованием удалить 80% проживающих в Иране немцев в месячный срок.

Английский же посланник такого представления не сделал, возмутился нарком³⁶.

Его негативную реакцию можно было понять. Проявившееся расхождение в позициях союзных держав оставляло Тегерану некую возможность попытаться использовать его (расхождение) для затягивания времени и ухода от ответа по существу. Относительно мягкий демарш британского правительства, особенно на фоне прозвучавших в тот же день в Лондоне радикальных заявлений британских руководителей о военном давлении на Иран в беседах с советским послом, вызвал, по меньшей мере, недоумение и не мог не воскресить сомнение в искренности политики нового союзника. Москва решила взять паузу. Именно этим, скорее всего, можно было объяснить отсутствие ответа на британскую записку. Криппс поспешил удалиться, заверив при этом, что в настоящий момент английскому послу в Тегеране даны соответствующие инструкции о принятии шагов в вопросе о немцах³⁷.

В такой ситуации очень кстати для Криппса подоспело послание Черчилля Сталину. По сложившейся практике оно лично передавалось послом главе правительства. 26 июля Криппс был приглашен в Кремль. На встрече присутствовал и Молотов, общение с которым накануне вряд ли вызывало у британца добрые воспоминания. Ознакомившись с посланием премьер-министра, Сталин посчитал возможным обсудить с послом, с которым не виделся полмесяца, ряд тем. Уже в конце разговора Криппс заявил, что у него имеется еще вопрос, который бы он хотел поставить перед председателем Совнаркома. А именно вопрос об установлении сотрудничества английской и советской разведок и, в частности, их взаимодействия в Иране, резонно полагая, что взаимодействие в такой деликатной сфере будет способствовать установлению большей доверительности между сторонами и снимет неприятный фон от последнего общения с Молотовым.

Сталин идею поддержал и сказал, что предложение будет рассмотрено. Воодушевленный Криппс тут же добавил, что контакт между разведками, по его мнению, лучше установить в Москве, поскольку Иран находится ближе к Советскому Союзу. Сталин согласился. И тогда посол, пытаясь вернуть расположение наркома, заявил, что известит Молотова о приезде сотрудников британской разведки³⁸. На этом аудиенция в Кремле закончилась.

Пока советские и британские официальные лица «сверяли часы», в Тегеране подготовили ответ на ноты союзников, полученные 19 июля. Собственно ответ был ясен заранее, исходя из характера бесед с премьером и главой министерства иностранных дел, состоявшихся сразу при вручении, и имевших место на следующий день после него. 27 июля генеральный секретарь МИД Ирана Сейях передал послам СССР и Великобритании ответ иранского правительства³⁹. В документе

отмечалось, что иранское правительство будет соблюдать по отношению ко всем иностранцам, проживающим в этом государстве (стало быть, и граждан Германии. – Ю. Г.), политику нейтралитета и не позволит никому нарушать ее. «Поэтому настоящие о высылке из Ирана 80% всех немцев воспринято с крайним удивлением» и не «может быть приемлемым»⁴⁰.

28 июля, когда Иден вновь встретился с Майским, они оба, еще не зная всех деталей иранской аргументации, понимали, что ответ Тегерана на требования союзников будет неудовлетворительным. Британский министр предложил предъявить шаху совместный ультиматум о немедленной депортации немцев. Подкрепив это требование угрозой, что если он не будет выполнен, то вооруженные силы Великобритании и Советского Союза войдут на территорию Ирана.

Будучи уполномоченным на ведение переговоров по иранскому вопросу, посол Майский от имени советского правительства дал согласие. Со своей стороны, он предложил включить в намечаемый ультиматум требование о праве передвижения советских войск и боевой техники по трансиранской железной дороге. Для Идена это стало неожиданностью, и он предпочел уклониться от прямого ответа. Министр лишь заметил, что такое требование несовместимо с аргументом Тегерана о стремлении обеспечить свой нейтралитет, в том числе позволяя присутствию в стране какого-то количества немцев. Майский возразил, что уже создан прецедент такого рода, в частности, Швеция предоставила Германии право на военный транзит по своей территории⁴¹.

Тем не менее вопрос о включении требования транзита остался открытым⁴². Но уже то, что на этой встрече дипломаты согласовали в принципе саму идею общего ультиматума, предполагавшего последующий ввод войск в Иран, выводило уровень взаимодействия двух стран по иранской проблеме на новый качественный уровень.

В общем, события стали приобретать такую динамику, что в дипломатических кругах военная акция против Ирана не исключалась уже в течение первой недели августа⁴³. Однако ее неожиданным образом притормозил не кто иной, как сам Черчилль. Как вспоминал впоследствии премьер, объясняя такое решение, он не был в полной мере «уверен в том, что этой персидской операции было обеспечено координированное планирование, необходимое для ее конечного успеха»⁴⁴.

Таким образом, уже в первые недели после подписания Соглашения о совместных действиях в войне против Германии Москва и Лондон с участием первых лиц начали интенсивный обмен мнениями о ситуации в Иране. Стороны согласовали и предприняли первые совместные шаги, призванные принудить иранские власти существенным образом уменьшить немецкое присутствие в своей стране. Однако дипломатический демарш, предпринятый союзными державами

19 июля, не заставил Тегеран пойти на уступки. В связи с этим в Лондоне возобладала точка зрения о неэффективности мер экономического давления, и приоритет был отдан военному решению иранской проблемы. Не возражая в принципе против использования войск, Кремль проявлял определенную сдержанность, которая, как представляется, и заставила Черчилля «сбавить обороты», но отнюдь не отказаться после урегулирования ряда возникших внешнеполитических вопросов от планов проведения военной акции союзников в Иране.

Примечания

- 1 Соглашение содержало обязательство сторон оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры. (См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : Документы и материалы : в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 80).
- 2 Подробнее см. Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь-июль 1941 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 4. С. 30–40.
- 3 О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 20–27; Голуб Ю. Г., Любин Д. М. Закавказский фронт Великой Отечественной войны : участие войск фронта в иранской операции в августе 1941 года // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук // Военная история. 2005. № 3(15). С. 22–28; Орушев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011.
- 4 The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO) 371/27230/E3844; Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 61.
- 5 Stewart R. A. Op. cit. P. 61.
- 6 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 28–29.
- 7 Там же. П. 8. Д. 81. Л. 60.
- 8 Там же. П. 16. Д. 188. Л. 25.
- 9 Там же. Л. 28–29. 16 июля в советском посольстве в Тегеране состоялся продолжительный обед Смирнова и Булларда. (См.: Bullard R., Hodgkin E. C. Letters from Tehran : a British ambassador in World War II, Persia. I. V. Tauris, 1991. P. 63.)
- 10 Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV (далее – ДВП.Т. XXIV). М., 2000. С. 181.
- 11 17 июля в своей депеше в Лондон Криппс настаивал, что «должно быть применено максимальное экономическое и военное давление, прежде чем возможность будет упущена, а это может произойти в момент наступления немецких войск на Кавказ. Я считаю, что это та возможность, когда нужно применить... незамедлительное максимальное давление и не медлить,... так как нет сомнений в том, что иранцы попытаются сражаться»

- ся» (см.: TNA, FO 371/27230/E4065 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 62.)
- ¹² ДВП. Т. XXIV. С. 168–169.
- ¹³ Еще 11 июля британский кабинет, как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, счел необходимым поручить начальникам штабов рассмотреть вопрос о том, какие действия совместно с СССР в Иране предпочтительны (см.: *Черчилль У. С.* Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3 : Великий союз. М., 1998. С. 249.
- ¹⁴ *Черчилль У.* Указ.соч. Т. 3. С. 249.
- ¹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 156.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 32–33 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ¹⁷ TNA, FO 371/27231/E3995 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63 ; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 172.
- ¹⁸ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941–1943 год. М., 2009. С. 14.
- ¹⁹ Там же. С. 14–18.
- ²⁰ *Городецкий Г.* Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 63.
- ²¹ *Черчилль У. С.* Указ.соч. Т. 3. С. 212.
- ²² Надо сказать, что основания для тревог были. Продумывая вопрос о военной акции в Иране, Черчилль не мог не принимать в расчет реакцию своих союзников – Турции и США. С другой стороны, против нарушения нейтрального статуса Ирана раздавались протесты и в самой Британии. См.: *Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. Basingstoke ; London : Macmillan, 1986. P. 93 ; Поначалу даже посол в Тегеране Р. Буллард не скрывал своего несогласия с методами давления на Иран. Так, 11 июля в своей депеше в Форин офис он выразил беспокойство относительно британских намерений и напомнил о прежних гарантиях иранскому премьер-министру, сказав, что сообщение о британских планах «направить войска в Иран» «противоречит политике правительства Его Величества по уважению нейтральных государств». В связи с этим посол задавал риторический вопрос: «Будет ли отказ на предложение о депортации всех немцев совместим с данной политикой? Я думаю, что нет. Мы не можем получить неопровержимое доказательство того, что здесь продолжается военная деятельность «пятой колонны», несмотря на тот факт, что мы уверены в ее существовании». Р. Буллард выступил также против угрожающих экономических санкций и протестов Ирану. С такой позицией был категорически не согласен британский посол в Москве С. Криппс, призывавший к немедленному вмешательству. Сторонником решительных действий в Иране зарекомендовал себя и генерал А. Уэйвелл, главнокомандующий британскими войсками в Индии. Однако аргументация Криппса на первых порах не разделялась министром Иденом. Словом, Черчиллю было над чем размышлять. См.: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' mission to Moscow, 1940–42. Cambridge et c., 1984. P. 208 ; TNA, FO 371/27151/E3844 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 60–62. Полный анализ дискуссии по вопросу ввода британских войск в Иран см.: *Beaumont J.* Great Britain and the Rights of Neutral Countries : The Case of Iran, 1941 // *J. of Contemporary History.* 1981. № 16. P. 214–218.
- ²³ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 248–249.
- ²⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 87.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 61.
- ²⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 171.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 61.
- ²⁹ ДВП. Т. XXIV. С. 171.
- ³⁰ Там же. С. 172–173 ; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 76–77.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 70.
- ³² Там же. П. 16. Д. 188. Л. 33–34.
- ³³ TNA, FO 371/27231/E4036 ; *Bullard R., Hodgkin E. C.* Op. cit. P. 68 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ³⁴ *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ³⁵ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 250.
- ³⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 181.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 77–82.
- ³⁸ ДВП. Т. XXIV. С. 185. 1 августа Криппс информировал Молотова о приезде в Москву 3 или 4 августа одного из старших офицеров британской разведки (см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 82. Л. 1).
- ³⁹ Там же. П. 16. Д. 188. Л. 25.
- ⁴⁰ Там же. Л. 37–38.
- ⁴¹ TNA, FO 954/19A/127.
- ⁴² В конечном счете, вопрос о транзите стал предметом рассмотрения британским Военным кабинетом, который решил ограничиться в ультиматуме только требованием депортации немцев (см.: *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. London, 1970. P. 25.)
- ⁴³ Такую информацию от британских военных, например, получил посол США в Ираке. (См.: *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers.* 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 384.)
- ⁴⁴ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 250.